

A detailed still life painting of a large bouquet of flowers in a bronze vase. The bouquet is composed of various flowers, including blue irises, yellow tulips, white daisies, orange lilies, and blue cornflowers. The vase is a dark, polished bronze, and the flowers are arranged in a dense, overflowing manner. The background is dark, and the foreground shows a wooden surface with some scattered petals and a small, dark object.

МАРИНА САВВИНЫХ

НЕВЕЧЕРНЯЯ

СТИХИ

Марина Саввиных Невечерняя. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21994226

ISBN 9785448334023

Аннотация

Зло не одолеть в одиночку. Поэтому возникает необходимость – связи, соединения. Нужно соединиться. И не только нынешним художникам, но и культурным мирам их, версиям целого судьбы и пространств реальной жизни. Такое единство – опора и суть поэзии Марины Саввиных. Михаил Горевич (Москва)

Содержание

Михаил Горевич. Симфония имён	5
Люцифер	11
Из книги «Звезда путеводная»	13
Владивосток	13
«Умейте радоваться солнечному лету...»	15
Из книги «СИМВОЛ ВЕРЫ»	16
«Не потому я изгнана из Рая...»	16
«Я – горе. Вот мой чёрный плащ...»	17
Небо полуночи	18
«Люби меня...»	18
Феникс	19
«Последним числом високосного февраля...»	20
«Забудь его. Над морем мировым...»	22
«Ускользнувшая точка отсчёта...»	23
Октябрь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Невечерняя Стихи Марина Саввиных

© Марина Саввиных, 2016

ISBN 978-5-4483-3402-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Михаил Горевич. Симфония имён

Поэзия Марины Саввиных – явление, более чем значительное в современной русской литературе. Её слово – чувственное, эмоциональное и – одновременно – выверенное логикой и культурой Востока и Запада. Это слово само по себе удивительно и представляет огромную ценность. Но поскольку Марина Саввиных – истинный творец, то и слово её – пророческое, о наиболее важном и существенном. Книга, которая сейчас перед глазами читателя, – это книга о возможности человека противостоять распаду, который порастил наш яблоневый мир, такой прекрасный, с радугой многоцветья и юными надеждами на общую доброту и счастье. Время Апокалипсиса приблизилось, Армагеддон у порога, и все же каждый, имеющий силу, должен выйти на битву.

Первое стихотворение книги – «Люцифер» – сразу же задает ведущий мотив:

Чтоб дышала костром при кресте
Не руин зачумлённых зараза,
А танцующая в темноте
Легендарная Роза Ширази...

Это – цель трагического поединка, единоборства художника и дьявола... Зло не одолеть в одиночку. Это понят-

но автору. Поэтому возникает необходимость – связи, соединения. Нужно со-единиться. И не только нынешним художникам, но и культурным мирам их, версиям целого судьбы и пространств реальной жизни. Такое единство – опора и суть поэзии Марины Саввиных.

Я бы определил это особенное свойство – как «мифологическое сложение». Так в мифе ни одно из имён не отвергается, но все вместе они создают неделимое. И не только в языческом мифе. Достаточно произнести «Троица».

Можно было бы сравнить такое «сложение» с оркестром. Вот он исполняет партию на два голоса – стихотворений давних и сегодняшних. И эти голоса звучат как один, собственный голос поэта.

Ты прав, Господь, что не вложил мне в руки
Готовых истин круглые плоды.
(из книги «Символ веры» 1991 г.)

и

Он пугается визга и лая,
Озираясь на шорох и скрип.

Первое – об изгнании из Эдема, из мертвых кругов судьбы – к свободе, которая разрешает человеку самому искать путь между святостью и грехом, второе – об Эдипе, рабе рока. А переплетение этих голосов – единая музыка европей-

ской культуры.

Когда в одной из начальных сцен «Игры в бисер» Герман Гессе заставляет Йозефа Кнехта взять в руки скрипку, а мастер музыки усаживается за фортепиано, мы вполне принимаем этот дуэт. У нас не

возникает ни малейшей мысли о его «неправильности». Но, возможно,

более сильным воздействием обладала бы сцена, в которой мастер берет в руки флейту, а Йозеф – лиру. Здесь возник бы ряд подтекстов, которые не всегда ощущаются у Гессе...

Флейта – инструмент Дионисия, лира – Аполлона. Темная и солнечная стороны бытия, ночь и день духа. Единые и нераздельные. Это один из лейтмотивов симфонической поэзии Марины Саввиных.

Для античного человека – слепка античной культуры, – ни Дионисий, ни Аполлон не равны злу и добру, они равны каждый своей собственной партии в общей музыке. Хотя и тот, и другой противостоят хаосу, имеют собственное лицо и величину. Все же речь – о стихах. Они не бывают однозначны, если стихи. А здесь – так, стихи. И мы видим отблеск небес. Это и есть школа Эллады. Самое отвратительное, самое бессмысленное, злобное, случайно-хаотичное она – формой – поднимает до высот, стремится дать как прекрасное. Потому что обязанность искусства – заставить ждать утра, какой бы ни была тьма вокруг. Задача стихотворения, любо-

го, всегда: дать человеку энергию — жить. Жить как человек, а не как дикий зверь. Видеть открытыми глазами свет Аполлона и внимать голосу флейты, чувственному, нагому, вечному зову плоти.

Ах, эти флейты, особенно возбуждающие на пирах, — среди мужчин могло не быть женщин, но флейтистка, держащая в руках свою «дудочку», была всегда...

Здесь для Марины Саввиных нет тайн. Она способна соединить богов Междуречья, Античности, идеи Возрождения в книге, в стихотворении:

И златую Иштар упокоит Феба
На жестоких холмах своих твёрдых персей.

Разумеется, «единство имен» отражено и в сотворенной культурой реальности — стирая имена прошлого, мы вносим разлад и, вместо чудесной музыки, получаем какофонию. Тогда как нужна полифония.

Объединение времен и объединение пространств. Из Владивостока, как некой исходной точки в творческом странствии Марины Саввиных —

Прости, что не завтра к высокой красе
Твоей припаду, как к спасительной чаше:
Мы к отчему небу приписаны все,
Пока ещё живы стремления наши —

пути идут по движению Солнца – в Сибирь, Осетию, Дагестан, Москву, Петербург и на Запад, к вечным камням Венеции...

Одна музыка, играемая разными инструментами. Но мелодия тревожна. Она передает очередное движение, поход Востока на изнемогающий в комфорте Запад. К возможным чумным руинам и «авангардным нотным рядам», к «шарманке постмодерна». И все же свет любви освещает все в мироздании Марины, и оттого битва не завершена. Не вражда религий в её мире

В ту весну – с предгорий вьюжных...
В ту страду – колёс и плах,
где Христос в цепях жемчужных
и рыдающий Аллах!

Здесь «сплетение Имён» для меня важнее даже великолепного соотношения с А. Блоком.

Многие образы этой книги – сложные, изошрённы, не до конца понятны. О чём это? Что это? Но надо же, в конце-то концов, относиться к поэзии не как к занятию «простенькому», а так, как должно обращаться к сложнейшему единству культурных начал и личного света, личного подсолнечия, личной тьмы поэта... в тёмном мире осмеливается он зажечь свечу и повести «игру в бисер» – партию единых, «лейбницевых» слов общего языка всех дисциплин.

И своих друзей назвала Марина Саввиных, посвятила им

стихи, дала каждому важные слова о нём – для того, чтобы стал как можно более сплоченным ряд не сдавшихся, выстоял, победил. Так не сказано, но не сказано и о первенстве, а потому произнесено иное: нужно сомкнуть ряды, стать рядом, плечом к плечу с вечными, и не дать развалиться миру, не позволить человеку превратиться в йеху...

Марине Саввиных удалось высокой мерой таланта, труда и страдания создать не сборник стихотворений, но именно единую книгу – и заиграл оркестр, исполнил симфонию, будем верить, перед большим залом.

Свою книгу-симфонию Марина назвала «Невечерняя». Более точного и более емкого названия для прочитанного мною нет:

Пусть этот день лучом твоим посветит...

Пусть это небо почерк твой запомнит...

Пусть это море голосом твоим

Пифагорейским сферам отзовется...

И пусть тепло горячих губ твоих

В костре плодоношенья – растворится...

Лампада невечерняя, пылай!

Марина Саввиных – неотъемлемое имя в нашей поэзии.

Москва, август 2013 г.

Люцифер

Не навеки ль отмаялся май
Над оврагами пальцы ломая?
Что ладони к вискам прижимаю —
За раскаянье не принимай!
Мариула ушла – не ищи...
Не взыщи – от седла и престола.
Аки пепел в холодной печи —
Краснозём одичавшего дола...
И земля не родит, и печать —
Плотоядный оскал извращенца,
Потому что Пречистая мать
Для распятия носит Младенца!
Люцифер! Это – вызов Тебе!
Это значит – Я буду являться!
Значит, в нашей вселенской борьбе
Друг за друга нам вечно цепляться!
Я – Твой горб! Я – Твой гад на песке!
Поруганье Твоё и потеха!
Дребезжит в моём правом виске
Византийское чёрное эхо,
Чтоб дышала костром при кресте
Не руин зачумлённых зараза,
А танцующая в темноте
Легендарная Роза Ширази.

Из книги «Звезда путеводная» 1982 г.

Владивосток Начало

Я знаю, я помню, где корни мои,
И чьих я, и где моё сердце зарыто,
Откуда те самые токи в крови,
Которыми я от начала прошита!
Вернусь! Но ещё не решила – когда.
Ступаю в туман и надеюсь на случай:
Земля под ногами суха и тверда,
А ветер навстречу – сырой и колючий...
Он рыбою пахнет и мокрым песком.
Он кажется жизни и смерти безмерней.
А мне этот город почти не знаком,
Огнями объятый в истоме вечерней —
На сопках у самого края земли:
Лишь волны да волны увидишь отсюда...
Загадочный город! Твои корабли...
Туманы и ветры... хандра и простуда...
И красные в мёрзлом ведёрке бычки,
И соль на губах, и болячки на пальцах...

Душа на твоих заколдованных пятах,
Клади же по ней золотые стежки!
Прости меня, Город, в своей высоте
За что-нибудь тёмное и нежилое!
На синем огне, на кленовом кресте
Моё небывалое тает бывшее...
Прости, что не завтра к высокой красе
Твоей припаду, как к спасительной чаше:
Мы к отчему небу приписаны все,
Пока ещё живы стремления наши,
Поэтому, видимо, мне и невмочь
Из речек твоих, как из Леты, напиться:
За мною колышется тяжкая ночь
И цокают звёздных оленей копытца...

«Умейте радоваться солнечному лету...»

Умейте радоваться солнечному лету,
Его дразнящей и тревожащей поре,
Закату позднему и раннему рассвету,
И синему дождю, и золотой жаре...
Умейте радоваться: лишь удары зноя,
Владыки полудня, рожают вкус воды,
И только ливня полотно льняное
Снимает пыль с души и шевелит сады,
И плотной завязью благословляет ветки,
И чёрный тротуар рассеянно кропит,
Покуда делятся во мгле тугие клетки,
И жизнь незримая клокочет и кипит!
Умейте ликовать! Хоть голосом, хоть взглядом!
Хоть в детской простоте – по лужам босиком,
Пока звенит июль, и август бродит рядом
С тяжёлым мёдом сот и с жёлтым рюкзаком.

Из книги «СИМВОЛ ВЕРЫ» 1991 г.

«Не потому я изгнана из Рая...»

Не потому я изгнана из Рая,
Что к знанию осмелилась припасть!
Свобода, бесконечно дорогая,
Во мне Твою предвосхитила власть.

Ты прав, Господь, что не вложил мне в руки
Готовых истин круглые плоды:
Души неисцеляемые муки
Не горше тех, что молча вынес Ты.

«Я – горе. Вот мой чёрный плащ...»

Я – горе. Вот мой чёрный плащ.
А вот – верёвка и сума.
А это – память, мой палач,
Исчадьё праздного ума.
Я – нищенка. Вот посох мой.
Песок растрескавшихся губ.
Пучок лучей над головой
Высок, торжественен и скуп.
На мне – проклятье. И за мной —
Ни свежих листьев, ни греха.
А пахнет дымом и сосной
И тихим злом сухого мха.
Я сплю на этом злобном мху,
А он так горек, сух и ржав,
Что я заплакать не могу,
Мой чёрный плащ к лицу прижав...

Небо полуночи 2011—2013

«Люби меня...»

Люби меня...

Как свет в конце тоннеля...

Как ласточку, мелькнувшую в луче...

Как в полдень под конец Страстной недели

О милосердном просят палаче...

Как вопрошают пращуров ли, бога ль, —

Из бездны прегрешений и хвороб...

Как, может, возлюбил, очнувшись, Гоголь,

С поверхности к нему проникший в гроб

Звук по надгробью цокающих капель

И треск несуществующих стрекоз...

Как, обомлев, благословляют скальпель,

Цепляющий сознание сквозь наркоз...

Когда надежды нет, и песня спета,

И каждый символ безнадёжно спет,

Люби – не как условие ответа...

Как сам ответ.

Феникс

Откуда эта пагубная страсть:
Ходить по искушениям и мукам,
Чтоб невзначай с Гармонией совпасть
И сделаться её бессмертным звуком?

Зачем, уже накликав столько бед,
К недостижимой истине стремиться?
Ведь всякий знает, что бессмертья нет,
Любовь – обман... покой нам только снится...

А всё равно – очнёшься в темноте —
Молекула платоновского шара —
И вот... среди вселенского пожара...
Тот звук... тот голос... очертанья те...

«Последним числом високосного февраля...»

Последним числом високосного февраля
Отмечен конец не начавшегося романа.
Теперь отправляю превратности на поля,
Где ровный сюжет упирается в жёсть бурьяна...
История старая. В сущности – ни о чём.
Зачем-то судьба по распутице вспять влекома.
А Белая Дама за левым твоим плечом,
Ты вряд ли поверишь, но мне хорошо знакома...

***

...только ставка...

В. Брюсов.

Жизнь – только ставка. Преферанс и покер.
Чем ближе к телу – тем заметней след.
Смотри! Мы обыграли Черный Джокер!
Разлуки – нет!

Жизнь – отторжение. Притяжение к свету...
Неумолим и беспощаден свет!

Разлуки нет. И встречи грешным нету.
Спасенья – нет.

«Забудь его. Над морем мировым...»

Забудь его. Над морем мировым
Его судьба подвешена на нитке.
Нездешней жаждой дух его томим,
И лишь сыграют злую шутку с ним
Твои неосторожные попытки
Перехватить трепещущую нить
У чьей-то воли, злобно равнодушной, —
Ведь не дано тебе соединить
Ступени этой лестницы воздушной:
Твой голос – слаб, твой взгляд пристрастно слеп.
Любовь – не то, что светит обречённым.
Оставь ему его смертельный хлеб
И одинокий путь под солнцем чёрным.
Не тронь его ожогов, пожалей!
Не оставляй прорех на шатком крове!
И пусть не станет музыкой твоей
Тяжёлый шум его усталой крови
И пыточным свинцом его предел!
Не обессудь! Он был с тобою честен:
Не ждал тебя, не звал и не хотел.
Тебя здесь нет.
Твой выбор – неуместен.

«Ускользнувшая точка отсчёта...»

Ускользнувшая точка отсчёта,
что едва не обрушила дом,
обрела себе место – всего-то
рядом с простеньким частным бытём:
в полумраке, в прохладном пространстве,
между книжками – в пыльном ряду,
в смутном страхе и мелком тиранстве
у злорадствующих на виду...

Прикасаться не следует. Это
равносильно удару ножа.
В темноте изнывает кассета,
итальянскою страстью дрожа.
Но и музыке мы не подвластны —
Не любовники и не друзья...
Наш роман, а ргіогі несчастный,
Ни придумать, ни вспомнить нельзя...

Что ж, давай... поиграем в вопросы.
Посмотри на меня и представь...
Отчего это жёлтые розы
в сновидениях странствуют вплавь?

Или – так: в раздвоенье недужном
как добро отличают от зла?

Или – вот: тебе кажется нужным,
чтобы я ещё в мире была?

Почему так темно и бессонно?
что за зверь под порогом зарыт?
...что теперь ни ответишь – резонно...
...что теперь ни отвечу – навзрыд...

Октябрь

Так пахнет очень старое вино,
когда его освободят от пробки:
листвою, преющей в тепле и влаге... но
мои прикосновения так робки...
так сдержанны... затем, что не хочу
ни жажду раздражить,
ни эту чашу
мгновенно осушить...
ни мглу развеять нашу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.